

МАТЕРИАЛЬНОЕ МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО ПРАВ ЧЕЛОВЕКА (МАТЕРИАЛЬНЫЕ ПРАВА): ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Кямал МАКИЛИ-АЛИЕВ,
магистр международного права Лундского (Швеция) университета

SUMMARY

The article concentrates on the substantive rights analysis of the international human rights law. The article covers the content of rights, legal will of the states, including collisions and limitations of rights, as well as amendments, declarations and denunciations. The article also covers enforcement and interpretation of the substantive human rights law that is delegated to monitoring bodies of the UN and other international organizations. The article points out that the monitoring bodies, while playing key role in the enforcement of human rights, can at the same time lead the states to the creation of certain legal norms.

* * *

Данная статья сфокусирована на анализе материального содержания международного права прав человека. В статье рассматриваются содержание прав, правовая воля государств, включая коллизии и ограничения прав, а также оговорки, декларации и денонсации. Статья также охватывает применение и толкование материального права прав человека, ответственность за которое лежит на мониторинговых органах ООН и других международных организаций. В статье подчеркивается, что играя контрольную роль, мониторинговые органы могут осуществлять направление государств и формирование юридических норм.

До этого момента, данная работа была сфокусирована на институциональной системе, в которой происходит защита прав и свобод человека. Также были рассмотрены основные документы по правам человека, заключающие в себе такие права и свободы. Установив таким образом границы, в которых контролируется вмешательство государства в права и свободы, фокус теперь будет перемещен на материальное содержание международного права прав человека. Как относительно молодая отрасль права, функционирующая как часть международного права, с глубокими философскими корнями, международное право прав человека все еще растет и развивается. Некоторые аспекты его уже достаточно хорошо развиты – например, запрет на пытки и рабство – другие, такие, например, как право на труд, все еще слабо определены в области охвата и эффекта. Постоянно возникают «новые» права человека, которые неизменно расширяют письменную кодификацию концепции международного права прав человека.

До того, как можно будет рассматривать содержание прав в особенной части данной работы, необходимо завершить общую часть определением ограничений различных прав и границы, в которых государства могут отклоняться от ответственности в соответствии с международным правом прав человека.

I. Содержание прав

По своей природе, всеобщие права человека должны принадлежать всем людям вне зависимости от расы, языка, религии или этнического происхождения. Такой подход предоставил

легислатуре еще одну серьезную проблему – приведение всех верований, традиций и культур к общему знаменателю международного права прав человека, к международному минимальному стандарту об-

ращения. Установление такого стандарта само по себе является проблематичным, так как набор прав не может быть настолько минимален, что это сведет на нет само их существование. В целом многие из прав, содержащихся во Всеобщей Декларации, являются желаемыми целями, которые государства согласились стремиться достичь. Подобная форма установления стандартов является неизбежно проблематичной. Очень трудно следить за исполнением обязательств государств в любое время, когда должны прогрессивно применяться права человека.

В этом смысле в отношении положений о правах человека часто звучат обвинения в недостатке их четкости. Широта статей конвенций неизбежно зависит от их телеологического толкования, для того, чтобы поддерживать их соответствие с прогрессивной эволюцией права прав человека. С развитием общества, реализуется больше прав, и меняются моральные и глобальные стандарты. Прав человека не статичны: они неизбежно гибки, точное мнение прав может меняться с годами. Такое положение дел неизбеж-

но, учитывая, что документы по правам человека, к которым присоединяются государства, представляют собой юридическое воплощение философской теории. Письменные тексты при этом заключают в себе то, что было согласовано, а не обязательно всю полноту философии, которая стоит за положениями. Основываясь на общем, основном принципе, контрольные органы применяют любое положение в телеологической форме со ссылкой на общий дух документа. Поэтому, в то время как одни рассматривают недостаток специфики как слабость, другие считают его силой. Международные документы – это в своем роде живое право, нормы которого растут и развиваются с годами. Единственное ограничение на развитие данного права это консенсус – любой региональный и международный орган может действовать лишь в соответствии с общей волей государств. Европейская Конвенция по Правам Человека и Конвенция «О правах ребенка» – это ведущие примеры телеологического толкования за последние годы.

2. Свобода действий государства и другие ограничения

Природа международного права требует доброй воли государств в обеспечении имплементации стандартов прав человека. Как результат, государства могут выбирать в какой части им принимать или не принимать документ. Изменения в правительстве и стабильность могут подтолкнуть государства к отклонению от документа или полной его денонсации. Более того, в функционирование документов по правам человека как таковых может быть инкорпорирована определенная свобода действий государств – признание того, что права не являются абсолютными и могут быть в определенной степени ограничены в зависимости от ситуации с национальной безопасностью,

политикой, моралью или здравоохранением.

Свобода действий государств: Ясно одно, государства имеют право проявлять определенную гибкость при имплементации международного права прав человека. Документы по правам человека, как таковые, не были составлены в абсолютной терминологии. Все права могут быть ограничены в соответствии с международным правом (единственное исключение составляет *jus cogens*) [1]. Многие национальные и региональные документы гласят, что они не должны толковаться в сторону ограничения международных прав, и потому такой подход является частичным признанием верховенства международной системы. Однако, во многих случаях международной системе не хватает конкретики, и она становится относительно неприменимой. Более того, международные документы часто указывают, что ни что в них не должно истолковываться как ограничение в отношении более выгодных прав в соответствии с национальным законодательством – статья 41 Конвенции «О правах ребенка» является хорошим примером [2]. Такие фразы как «на столько на сколько возможно», «в соответствии с национальным правом» и «при необходимости», указывают на уровень гибкости. Данный подход необходим для обеспечения поддержки документа государствами. Более того, он является важным, хоть и тонким, напоминанием границ международного права прав человека и, в общем, международного права. Государства сохраняют основную силу, как главные субъекты международного права и таким образом оставляют за собой право на ограничение применения прав человека, когда они сочтут это необходимым или допустимым. Далее, всегда существуют аспекты, например, терминологии, которые зависят напрямую от национального права – понятие «подданного» (какого-либо

государства) является хорошим примером. Если есть угроза национальной безопасности или чрезвычайная ситуация, государство всегда должно реагировать пропорционально на такую ситуацию для сведения риска возможного нарушения своих международных обязательств в области прав человека к минимуму.

Соответственно, региональные системы также были вынуждены бороться с попытками ограничения прав. Свобода действий государств, «пределы свободы усмотрения» предоставляемой государствам, является самыми развитыми понятиями именно в Европе, в результате первопреходческой деятельности Европейского Суда по Правам Человека. Пределы свободы усмотрения это определенная степень гибкости, предоставляемая государствам при решении ими вопросов о необходимости принятия определенных мер. Ссылку на такое понятие можно легко найти, просто просмотрев основную юриспруденцию Европейского Суда. Таким образом в деле *Handyside v United Kingdom*, которое основывалось на запрете книги в Великобритании в соответствии с законодательством о непристойных изданиях, Европейский Суд признал, что, находясь в прямом и продолжительном контакте с жизненными силами своих стран, государственные власти находятся в лучшей позиции для суждения о точном содержании общественной морали и о ей подобных сферах жизни общества [3]. Таким образом, в целом общая ответственность по защите прав человека лежит на государствах, в то время как региональные и международные организации играют всего лишь мониторинговую роль. Ни один из международных органов не выступает в качестве апелляционного суда, в отношении решений национальных судов. Создание пределов свободы усмотрения позволяет государствам участвовать в Европейской Кон-

венции, так как явно уважается суверенитет и можно придерживаться национальных стандартов морали и безопасности. В результате, запрет на разводы в Католических государствах может быть поддержан в Суде, в то время как во многих других государствах разрешаются разводы и повторные браки. Наверное, самыми яркими примерами использования пределов свободы усмотрения могут быть новые прения по поводу прав и дискриминации – часто это законодательства в отношении гомосексуалистов и транссексуалов. В Европе запретов на гомосексуальные отношения больше не существует (см. дела с *Dudgeon v United Kingdom* до *ADT v United Kingdom*), в то время как ситуация признанием транссексуалов также радикально изменилась (*Rees v United Kingdom*, *Cossey v United Kingdom*, *Sheffield and Horsham v United Kingdom*, *Goodwin and I v United Kingdom*) [4]. Пределы свободы усмотрения, которой обладают государства, варьируются в зависимости от того или иного права, а потому вмешательство в личную жизнь индивида очень ограничено, но с другой стороны пределы свободы усмотрения, например, в отношении права на брак, намного шире (государство само может устанавливать юридические нормы и условия). В отношении национальной безопасности ситуацию можно сравнить с применением ограничений на права или отклонением от положений о правах человека (более подробно будет рассмотрено далее). Так как возможная угроза терроризмом намного проще определяется самим государством, международные органы в большинстве случаев не вмешиваются. Государства, таким образом, получают значительную свободу действий.

Даже в деятельности ООН постоянно заметно растущее признание пределов свободы усмотрения государств [5].

Коллизии прав: Права, такие

как свобода выражения мнения и ассоциаций, зачастую могут быть использованы лишь настолько, насколько подобное их использование не ущемляет права других. Таким образом, между двумя конфликтующими правами можно провести балансирующее действие: индивид, страдающий опасной заразной болезнью, может быть изолирован, для сохранения права на здоровье других; или газета может быть лишена права на публикацию определенных материалов в ущерб ее праву на свободу выражения мнения, если такие материалы нарушают право на частную или семейную жизнь или ставят под угрозу проведение справедливого судебного разбирательства. В таких случаях должно приниматься решение какому праву давать приоритет. Учитывая неделимость прав человека, такие решения принимаются по-разному в каждом индивидуальном случае, учитывая все факты и обстоятельства дела. Спорным вопросом является то, что такое решение влечет за собой установление какой-то иерархии в документах по правам человека. С другой стороны, в конфликтах между правами человека есть практическая необходимость; и также как в конфликте отраслей права (международное частное право), лишь суды решают какому праву/положениям отрасли следует давать приоритет. Права, от которых невозможно отклоняться, естественно, находятся под приоритетом по сравнению с правами, в отношении которых у государств есть большая свобода усмотрения. В соответствии с подходом, разработанным для определения легитимности ограничения прав, основным критерием будет выступать пропорциональность.

Ограничение прав: «Во время чрезвычайных положений в государстве, при котором жизнь нации находится под угрозой и о наличии которого официально объявляется, участвующие в настоящем Пакте государства,

могут принимать меры в отступление от своих обязательств по настоящему Пакту только в такой степени, в которой это требуется остротой положения...» (статья 4(1) Международного пакта «О гражданских и политических правах»: см. также ст. 17 Европейской Конвенции «О защите прав и основных свобод человека» и ст. 27 Межамериканской Конвенции по Правам Человека) [6].

Комитет по правам человека считает статью 4 «наивысшего значения» для системы защиты прав человека [7]. Многие региональные и международные документы разрешают отступление от обязательств во времена вооруженных конфликтов или в чрезвычайных ситуациях. Подобные ситуации должны быть серьезными по сути, и часто становятся событием, беспокоящим все международное сообщество в сфере поддержания мира и безопасности – не всякое чрезвычайное положение подпадает под эти понятия. Любое отступление от прав ограничено «остротой» ситуации, то есть ровно на столько, насколько это необходимо для достижения цели: это определяет «продолжительность, географический и материальный охват» [8]. Использование ограничения прав, таким образом, определяется в рамках, установленных самим международным документом.

Отступления не разрешаются в отношении определенных положений международных документов: например, обычно нельзя ограничивать право на жизнь, свободу от пыток, свободу от рабства, свободу от дискриминации, свободу мысли, совести и религии, или запрет на ретроактивное уголовное законодательство. Если начинаются вооруженные конфликты, то Женевские и Гаагские Конвенции будут регулировать данные отношения путем предоставления дополнительных прав как комбатантам, так и гражданским лицам в соответствии с нормами международного гуманитарного

права (подробнее в Особенной части). Создание института прав, в отношении которых не допускается отступление, как института международного права прав человека, еще больше добавило веса к предполагаемой иерархии прав, где указанные права выглядят важнее других прав. В Общем комментарии 29, Комитет по правам человека расширяет список прав, от которые не допускается отступление, по сравнению с теми положениями, которые были указаны в статье 4 Пакта. Комитет заключает, что право все лиц, лишенных свободы на гуманное и уважительное обращение с ними, запрет на взятие заложников, похищение или непризнанное задержание, элементы прав меньшинств (особенно геноцид и запрет на дискриминацию), запрет на депортации или насильственные перемещения населения, а также запрет на подстрекательство или пропаганду национальной, расовой или религиозной ненависти, являются по сути правами, ограничение которых не допускается из-за их принадлежностью к основным нерушимым принципам международного права [9]. Для того, чтобы считать некоторые права не подлежащими ограничению, есть практическая необходимость. Например, верховенство права должно поддерживаться всегда, а потому отступления от него невозможны даже в условиях любых чрезвычайных ситуаций. Более того, есть права, которые попросту невозможно ограничить – например, невозможно отступление от свободы мысли. В других случаях продолжающееся функционирование прав не зависит от поддержания государством легитимного контроля, а потому отклонение от них не может быть оправдано угрозой потери или потерей контроля со стороны государства.

Интересно отметить, что Африканская Хартия Прав Человека и Народов не содержит положений относительно ограничений прав. Это поражает еще

больше, если учесть новейшую историю многих африканских государств, которая знает большое количество ситуаций, в которых ограничение некоторых прав, заключенных в международных документах, было бы позволительно. В Африке признается неделимость всех прав человека, с возложением еще большей ответственности на государства. Когда в будущем будет окончательно учрежден Африканский Суд по правам человека, вполне возможно, что внимание будет направлено на потенциал по установлению определенной гибкости на период чрезвычайных ситуаций, но это покажет лишь время.

В своем Общем комментарии №5 Комитет по правам человека признал, что статья 4 Международного Пакта «О гражданских и политических правах» может стать причиной ряда проблем [10]. Необходимость информирования Генерального Секретаря ООН, а значит других государств-участников о своих действиях в соответствии с данной статьей, всегда подчеркивалась Комитетом, еще раз показывая важность того, что государства должны быть открыты в отношении обстоятельств, при которых они решают ограничивать права. В соответствии с Комитетом по правам человека все подобные отступления от прав должны быть разъяснены в соответствующих периодических отчетах представляемых государствами, для того, чтобы дать возможность Комитету определить эффективность таких действий. Следует отметить, что использование статьи 4 не освобождает государства от обязанности представлять периодические отчеты.

Ограничения прав не должны длиться *ad infinitum*. Государства должны регулярно пересматривать все отступления от своих обязательств и оценивать необходимость их продолжения. У некоторых государств в их конституционном праве есть соответствующие положе-

ния, обеспечивающие подобный пересмотр и оценку. Ограничения могут быть запущены в случае какой-либо ситуации, охватившей государство в части или целиком, в отношении всех прав, либо какой-то их части. Например, в качестве ответа на угрозы терроризмом, многие государства стараются ограничить некоторые аспекты права на свободу, которые связаны с регулированием задержания подозреваемых. Однако, в таких случаях, индивиды не должны лишаться свободы произвольно – должны быть сохранены некоторые нормы, которые бы обеспечивали легитимность задержания.

Как уже отмечалось ранее, использование любого отступления подпадает под мониторинг соответствующего международного или регионального органа и не все документы позволяют подобные ограничения прав.

Оговорки: Они являются чумой международного права прав человека. Многие государства при ратификации документов включают свои оговорки и декларации. Оговорки являются юридически обязательными ограничениями на применение определенных прав, которые освобождают государства от ответственности в отношении определенной части международного договора.

Государства рассматривают оговорки в качестве существенного аспекта государственного суверенитета и способа выглядеть соблюдающими международное право (ратифицируя), но все же без значительных изменений национального права, для того, чтобы соответствовать предметам ратификации (посредством применения оговорок). Для международных и региональных организаций, оговорки разьедают эффективность любого документа, в целом преуменьшая выгодность универсальности прав человека. Для индивида, как потенциальной жертвы нарушений, ого-

ворки это основной ликвидатор права, которое предоставляется ему международным документом.

Оговорка определяется в статье 2 Венской Конвенции «О праве международных договоров» от 1969 года, как «одностороннее заявление в любой формулировке и под любым наименованием, сделанное государством при подписании, ратификации, принятии или учреждении договора или присоединении к нему, посредством которого оно желает исключить или изменить юридическое действие определенных положений договора в их применении к данному государству». Таким образом, оговорки можно считать декларациями с условиями – важно содержание, а не форма заявления. Не все международные документы позволяют применение оговорок. Однако существует презумпция в пользу права государств делать оговорки, если документ прямо этого не запрещает. Комитет по правам человека (заключая в отношении Международного Пакта «О гражданских и политических правах») предполагает, что оговорки в отношении «абсолютных норм» несовместимы с правами человека и не допускаются. В свете такого заявления, государства не могут делать оговорки, которые серьезно влияют на применение положений международного обычного права, закодифицированного в Международном Пакте – например, презумпция невиновности, свобода от рабства и пыток, свобода от произвольного задержания и свобода от пропаганды религиозной, национальной или расовой ненависти, являются безоговорочными, также как и права меньшинств [11], запрет на казнь беременных женщин и детей и права лиц на вступление в брак без правовых помех. Общий комментарий 24 Комитета по правам человека отмечает, что некоторые оговорки в отношении права на справедливое судебное разбирательство могут

быть легитимными [12]. Так как общее международное право запрещает оговорки, которые не соответствуют предмету и цели международного документа, любые оговорки в отношении безоговорочных прав должны быть оправданы государствами. В соответствии с Комитетом по правам человека были сделаны оговорки в отношении как 6 так и 7 статьи Международного Пакта (право на жизнь и запрет на пытки), но условия оговорок не предоставили государствам ни права на пытки, ни права на произвольное лишение лиц их права на жизнь [13]. Для проверки соответствия оговорки предмету и цели международного документа, соответствующий орган (обычно Суд, Комиссия или Комитет) рассматривает ее объективно на соответствие юридическим принципам, закрепленным в данном документе. Для обеспечения подобного соответствия государства должны быть аккуратны при формулировке своих оговорок, делая прозрачные, понятно обозначенные заявления, соответствия которых может быть легко установлено. Общих оговорок по содержанию прав следует избегать.

Оговорки в отношении документов по правам человека могут охватывать и более общие вопросы. Например, многие государства отмечают при ратификации любого многостороннего договора, что акт ратификации не означает признания других государств-участников (обычно Тайвани или Израиля). Аналогично, оговорка может затрагивать территориальное применение документа в отношении зависимых территорий и/или колоний ратифицирующего государства. Наконец, общие оговорки могут влиять на функционирование и имплементацию документа. Такие оговорки являются действительными только в случае, если они не сводят на нет предмет и цель документа как такового.

Традиционно все государства

должны соглашаться со всеми оговорками других государств. Учитывая, что большинство документов по международному праву прав человека на данный момент являются большими многосторонними договорами, необходимость консенсуса о содержании оговорок устраняется в соответствии с практикой и основополагающими принципами, поднятыми Международным судом в своем консультативном заключении «Оговорки в отношении Конвенции о геноциде» [14]. Хотя данное заключение было сфокусировано в основном на Конвенции о геноциде, большинство его положений рассматриваются как отражение международного обычного права. При этом, некоторые документы устанавливают систему оценочных возражений на оговорки – статья 20(2) Международной конвенции «О ликвидации всех форм расовой дискриминации» гласит, что оговорка будет признана недействительной если две трети государств-участников возразят против нее. Несмотря на то, что похожего положения нет в Международных Пактах, Комитет по правам человека в одном из своих Общих комментариев полагает, что роль государственных возражений на оговорки спорадическая и Комитет считает, что не следует предполагать что не выражение возражения, автоматически означает согласие [15].

В части II Венской Декларации и Программы Действий, принятой в 1993 году на Международной Конференции по правам человека, присутствует призыв к государствам рассмотреть возможность установления ограничений на любые оговорки, которые они делают по отношению к международным документам по правам человека. Более того, государства побуждаются к регуляторному пересмотру таких оговорок с тем, чтобы прогрессивно от них избавляться. Периодические пересмотры неизбежны, учитывая что государства побуждаются к

применению всех норм международного права прав человека в духе всеобщности и неделимости всех прав. Однако призывы Международной Конференции в отношении всех государств к ратификации международных документов по правам человека скорее всего не получат положительного ответа если оговорки не будут разрешены.

Оговорки, бесспорно, являются «необходимым злом» любой развивающейся системы применения международного права прав человека: их существование позволяет идти к цели всеобщего принятия прав человека, при этом, позволяя государствам при необходимости «уклоняться». Как и в принципе в международном праве, когда дело касается международного права прав человека, считается что лучше иметь показное согласие, чем вообще никакого (по крайней мере, волк в стаде овец может быть под «контролем»). Оговорки обычно бывают предметом тщательной проверки при рассмотрении изначальных и периодических отчетов, когда мониторинговые органы побуждают государства рассмотреть возможность отзыва оговорок. Естественно государство не может отвечать за нарушение какого-либо положения документа, в отношении которого есть действующая оговорка. Аналогично, в соответствии с Венской конвенцией «О праве международных договоров», оговорка к многостороннему договору функционирует на основании взаимности: если государство А делает оговорку в отношении статьи Е международного документа, таким образом что она не подлежит применению в отношении А, тогда ни государство Б не может действовать в отношении А за нарушение статьи Е, ни государство А не может действовать в отношении государства Б за то, что оно не смогло применить статью Е, даже если государство Б не делало в отношении данной статьи никакой оговорки. По

сути, оговорки фрагментируют международное многостороннее соглашение на мириады двусторонних соглашений, под прикрытием единых многосторонних границ. В этом отношении следует отметить мнение Комитета по правам человека, выраженное им в Общем комментарии 24. Комитет отметил, что в свете особых характеристик Международного Пакта «О гражданских и политических правах» в качестве международного документа по правам человека, «открытым остается вопрос о том, какие последствия имеют оговорки для отношений между самими государствами» [16]. Учитывая недостаток межгосударственных жалоб, это пожалуй риторический вопрос. Подобное заявление скорее следует рассматривать в общем контексте того, как Комитет обрисовывает свою роль в соответствии с Пактом.

Декларации. Они отличны от оговорок. По своей природе они являются толковательными заявлениями государства в отношении того, как оно понимает масштабы, значение и применение определенного права. Международные органы редко принимают декларации о том, что все обязательства, принятые в соответствии с правами человека, должны рассматриваться как идентичные по содержанию и эффекту, соответствующим положениям национального права. Подобные декларации подрывают эффективность международных документов, лишая Суд, Комитет или Комиссию толковательных полномочий. Часто, с годами на региональных и международных уровнях формируются свои особые автономные толкования, которые неизбежно будут отличны от национального права. Широта понятия «семья» и различия между пытками, бесчеловечным, унижающим или жестоким обращением или наказанием – это только два хороших примера. Декларации могут быть еще более проблематичными чем оговорки, так

как эффект, производимый декларациями, не столь ясен. Еще больше ситуация запутывается из-за того, что не все государства проводят четкие различия между декларациями и оговорками, в результате чего соответствующие органы должны рассматривать контекст и природу заявления для определения его классификации.

Денонсации. Так как международные договора консенсуальны по природе, государства могут принимать или денонсировать обязательства, заключенные в них, по желанию. Как отмечалось ранее, некоторые карибские государства денонсировали право на индивидуальные жалобы в соответствии с Факультативным протоколом к Международному Пакту «О гражданских и политических правах». Аналогично Греция вышла из участия в Европейской Конвенции по Правам Человека, в качестве временной меры, из-за большого количества межгосударственных жалоб, последовавших в ее отношении, но затем она вновь присоединилась к механизмам данной Конвенции.

Однако не все договора включают в себя право на денонсацию. Такие вариации отчетливо видны при рассмотрении основных международных договоров, являющихся предметами наблюдения со стороны международных мониторинговых органов. Ни Международные Пакты, ни Конвенция «О ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин» не дают права на денонсацию. С другой стороны, статья 21 Международной Конвенции против пыток и другого жестокого, бесчеловечного или унижающего обращения или наказания и статья 52 Конвенции ООН «О правах ребенка» позволяют государствам денонсировать данные документы через год после предоставления ими письменного уведомления о денонсации [17]. Государства также могут выйти из участия в Статуте Международного уголовного суда [18].

На региональном уровне, статья 58 позволяет государствам выходить из участия в Европейской Конвенции по Правам Человека после шестимесячного уведомления об этом, в то время как в соответствии со статьей 78 Американской Конвенции по Правам Человека требуется уведомление за год до выхода [19]. При этом в Африканской Хартии не содержится положения о денонсации.

Общий комментарий 26 Комитета по правам человека вновь обращается к международно-правовому статусу международных документов без положений о денонсации. Для того, чтобы разрешить ликвидацию, выход или денонсацию в отсутствие прямых положений, государства-участники должны продемонстрировать, что участвовавшие стороны имели намерения разрешить такие действия, или что это можно заключить из смысла и природы документа как такового [20]. В отношении Международного Пакта «О гражданских и политических правах», Комитет по правам человека отмечает, что стороны данного договора не подразумевали возможности его денонсации. Такое заключение основывается на том факте, что в прямой противоположности предоставляется возможность выхода из Первого Факультативного Протокола [21]. Комитет отмечает, что международные Пакт не является «таким видом международного договора, который по своей природе подразумевает право на денонсацию» [22]. Международный Билль о Правах подразумевался вне контекста «временного характера», типичного для документов позволяющих денонсацию. Потому применение Пакта продолжается вне зависимости от изменений в правительствах или территориях государств. Комитет заключает, что «международное право не позволяет государству, которое присоединилось, ратифицировало или стало приемником Пакта, де-

нонсировать или выходить из него» [23].

3. Толкование и применение

Во многих отношениях, понятие всех прав человека зависит от их толкования или применения. В результате такого положения дел, ответственность за разъяснение границ прав и свобод, лежит на мониторинговых органах. Органы ООН выполняют подобную функцию путем принятия Общих комментариев комитетами, учрежденными для контроля за имплементацией. На региональном уровне решения и высказанные мнения комиссий и судов играют аналогичную роль. Анализ соответствующей юриспруденции может серьезно помочь в понимании того или иного права.

Мониторинговые органы обычно пользуются телеологическим подходом к толкованию прав человека, позволяя правам применяться в том стиле, который соответствует духу и целям международного документа. Примерами толковательного освещения прав являются включение права на доступ к суду в право на справедливое судебное разбирательство в Европейской системе (дело *Golder v United Kingdom*) и расширение смысла прав на жизнь, гуманное обращение и свободу, для подпадания под них насильственных исчезновений в Гондурасе (Американский Суд по Правам Человека – дело *Velasquez Rodriguez*). Телеологическое толкование также позволяет мониторинговым и контрольным органам со временем развивать права – мир в наше время сильно отличается от предыдущего века, когда составлялись многие международные и региональные документы. Понятия общественной морали, а также понятия личного помнялись во многих государствах. В тоже время, угрозы жизни государства больше не являются оправданием проведения актов войны, так как серьезно помнялось использование силы со стороны государств и террори-

стических групп, начиная с конца Второй мировой войны, через эру Холодной войны вплоть до сегодняшнего дня, в результате пацифистской деятельности ООН. Играя контрольную роль, мониторинговый орган в соответствии с такими изменениями, может осуществлять направление государств и формирование юридических норм.

Литература:

1. Jus cogens – согласно ст. 53 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г., это норма, “которая принимается и признается международным сообществом государств в целом как норма, отклонение от которой недопустимо и которая может быть изменена только последующей нормой общего международного права, носящей такое же характер”. Она обладает высшей императивной силой.
2. Права человека: сборник международных документов. – Варшава: Хельсинский фонд по правам человека, 2001, с. 157
3. Handyside v. UK, Ser. A, No. 24 (1976), < <http://www.robin.no/~dadwatch/echr/handy.html> >, 31 январь 2009.
4. На Приложение – найти дела.
5. См. например, *Hertzberg et. al. v Finland*, UN Doc. CCPR/C/15/D/61/1979, parag. 10.3, <http://www.iidh.ed.cr/comunidades/libertadexpresion/docs/le_comite/hertzberg%20and%20others%20v.%20finland.htm>, 3 февраль 2009.
6. Права человека: сборник международных документов. – Варшава: Хельсинский фонд по правам человека, 2001, с. 87.
7. Общий комментарий 29, Комитет по правам человека ООН, 2001, parag. 1, <<http://www1.umn.edu/humanrts/russian/gencomm/Rhrcom29.html>>, 3 февраль 2009.
8. См. там же, parag. 4.
9. См. там же, parag. 13.